

⁶ См.: Хропанюк, В.Н. Указ. соч. – С. 316; Лазарев, В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М., 2000. – С. 336-337.

⁷ См.: Лазарева, В.А. Роль адвокатуры в повышении качества и эффективности уголовного судопроизводства и некоторые гарантии ее реализации / В.А. Лазарева // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: сборник научных статей. – Самара, 2005. – С. 23.

А.Ю. Лапузин*

ЗАЩИТА ОТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МИРОВЫХ СТАНДАРТОВ

С вступлением в силу нового УПК РФ российский уголовный процесс изменил свой архетип, став из розыскного состязательным. С усилением состязательных начал, увеличением – количественным и качественным – полномочий стороны защиты возросла и активность адвокатов-защитников. Вместе с тем существенно возросло и противодействие, которое оказывается защитнику иными профессиональными участниками уголовного судопроизводства.

Вопрос о достаточности законодательных гарантий профессиональной деятельности адвоката обсуждается в науке с разных позиций. Посмотрим на него с точки зрения общемировых стандартов.

В соответствии с Основными положениями о роли адвокатов (приняты VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступлений в августе 1990 г. в Нью-Йорке, далее – Положения о роли адвокатов), государства-участники обязаны «содействовать и обеспечить надлежащую роль адвокатов, которая должна уважаться и гарантироваться Правительствами. **Вмешательство** в его законную деятельность и **препятствование** ей путем противодействия реализации полномочий адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве, нарушение гарантий независимости и неприкосновенности адвоката, нарушение адвокатской тайны является незаконным.

---

* © Лапузин А.Ю., 2008

Лапузин Алексей Юрьевич – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет

Рассмотрим, в какой мере российское государство обеспечивает защиту адвоката-защитника от таких форм противодействия его профессиональной деятельности, как ограничение его доступа к подзащитному и материалам дела, а также препятствование его участию в доказывании по уголовному делу.

В законодательстве РФ содержатся общие нормы, регулирующие момент допуска защитника к участию в деле, наличие обязательных документов, по предъявлении которых адвокат допускается до защиты (ч. 3, 4 ст. 49 УПК), устанавливающие право адвоката-защитника на беспрепятственные конфиденциальные встречи наедине со своим доверителем (п. 5 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре), в том числе на встречу с задержанным подозреваемым перед его первым допросом, который не может быть произведен позднее 24 часов с момента фактического задержания (ч. 4 ст. 92, ч. 2 ст. 46 УПК). УПК РФ предусматривает также права защитника на собирание и представление доказательств, участие в следственных действиях, производимых с его подзащитным, по его ходатайству или по ходатайству самого защитника, на ознакомление с материалами уголовного дела и изготовление с них копий (п. 2, 5, 6, 7 ч. 1 ст. 53 УПК). К этому перечню можно добавить правила, сформулированные Постановлениями Конституционного Суда от 27.06.2000 г. №11-П и 25.10.2001 г. №14-П и Определениями его от 12.05.2003 г. №173-О и 18.12.2003 г. №429-О.

В международном праве названные вопросы регулируются указанными выше Положениями о роли адвокатов, Основными принципами, касающимися роли юристов (приняты VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, 27 августа – 7 сентября 1990 г., далее – Принципы, касающиеся роли юристов), практикой Европейского Суда по правам человека. В частности, в п. 7 раздела «Специальные гарантии в уголовной юстиции» Положения о роли адвокатов указано: «Правительства должны обеспечить, чтобы человек, подвергнутый задержанию, аресту или помещению в тюрьму с предъявлением или без предъявления обвинения в совершении уголовного преступления получил быстрый допуск к адвокату, в любом случае не позднее, чем через 48 часов с момента задержания или ареста». В Принципах, касающихся роли юристов, указанное правило изложено тождест-

венным образом, за исключением того, что п. 7 Принципов не распространяется на помещенных в тюрьму, а допуск к юристу назван не «быстрым», а «немедленным». При этом под арестом подразумевается «акт задержания лица по подозрению в совершении какого-либо правонарушения или по решению какого-либо органа», а под задержанием — любой случай ограничения свободы (в порядке любого, в том числе и не уголовного, судопроизводства), кроме лишения свободы в результате осуждения (раздел «Употребление терминов» Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, утвержденного Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 43/173 от 9.12.1988 г., далее — Свод принципов защиты).

Безусловно, 48 часов — срок более длительный, чем тот, что предусмотрен ст. 46 и 92 УПК РФ. Однако слова «быстрый» и «немедленный» доступ к адвокату или юристу ориентируют правоприменителя на исполнение указанного правила сразу после ареста, задержания или помещения в тюрьму либо по истечении незначительного периода времени после таковых. При этом правило о допуске защитника в течение 24 часов предусмотрено УПК РФ только в отношении лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, причем исключительно перед первым его допросом. Право же человека на свободу передвижения в РФ может быть ограничено и в результате привода подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля по уголовному делу, физического лица либо законного представителя юридического лица, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, законного представителя несовершеннолетнего лица, привлекаемого к административной ответственности, а также свидетеля по делу об административном правонарушении (ст. 113 УПК, ст. 27.15 КоАП). Ни в УПК, ни в КоАП нет норм о допуске к указанным лицам юриста, хотя право их на свободу на деле попирается, и время такого посприяния законом не ограничено. Немедленный допуск адвоката к заключенному в тюрьму человеку законодательством РФ, в отличие от Положения о роли адвокатов, также не предусмотрен.

Следует отметить, что, в соответствии с КоАП, свобода человека может быть ограничена также при административном его задержании, которое может продолжаться «не более 48 часов» (ч. 3 ст. 3.9,

ч. 2, 3 ст. 27.5 КоАП) и перетекать в административный арест, который назначается на срок до 15, а иногда и до 30 суток. Право на допуск защитника к своему подзащитному по административному делу в КоАП также не прописано, хотя срок ограничения его свободы может значительно превышать 48 часов.

Как следует из вышесказанного, нормы Положения о роли адвокатов и Принципов, касающихся роли юристов, в части немедленного допуска защитника шире, чем соответствующие положения законодательства РФ, более тщательно и надежно защищают права и законные интересы граждан, ограниченных в свободе¹.

Обязанность компетентных органов и должностных лиц ознакомить адвоката с материалами уголовного дела установлена п. 21 Положений о роли адвокатов и Принципов, касающихся роли юристов. Принципы, касающиеся роли юристов, гласят: «Компетентные органы обязаны обеспечивать юристам достаточно заблаговременный доступ к надлежащей информации, досье и документам, находящимся в их распоряжении или под их контролем, с тем чтобы юристы имели возможность оказывать эффективную юридическую помощь своим клиентам. Такой доступ должен обеспечиваться, как только в этом появляется необходимость». Положения о роли адвокатов уточняют, что в уголовном процессе ознакомление адвокатов с такой информацией производится «не позднее окончания расследования до досудебного рассмотрения».

Свод принципов защиты в силу своей специфики (регулирование правоотношений, связанных исключительно с задержанием, арестом и содержанием под стражей, в заключении) не предусматривает процедуры ознакомления с материалами дела. Однако пп. 2 п. 12 и 23 и п. 26 Свода устанавливают права адвоката и его подзащитного на допуск к протоколам ареста (задержания), допроса последнего, «когда это установлено законом», и протоколам производимого после задержания медицинского освидетельствования и последующих его медицинских осмотров. При этом, как указано в п. 27, нарушение правил о производстве этого освидетельствования, осмотров, когда это является необходимым по состоянию здоровья подзащитного, а также допуске его и его защитника к надлежаще оформленным протоколам (в том числе и к протоколам допросов), влечет за собой возникновение сомнений в допустимости доказательств, получен-

ных против него в период нахождения его под стражей. Международный пакт о гражданских и политических правах (далее – Пакт о правах) в п. «b» ч. 3 ст. 14 предусматривает право арестованного «иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником».

Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) также относит недопуск адвоката к своему подзащитному, отказ на стадии производства в суде в праве на ознакомление с уголовным делом либо предоставление адвокату времени, недостаточного для надлежащего ознакомления с делом, к существенным нарушениям процедуры справедливого судебного разбирательства. По делу «Оджалан против Турции» (№46221/99, постановление от 12.03.2003 г. вынесено I Секцией) Европейский Суд постановил: «... Заявитель, находясь под стражей, не имел доступа к адвокату, не мог связаться со своими адвокатами иначе как в ходе судебных слушаний его дела, количество и продолжительность встреч Оджалана с адвокатами ограничивались, он смог ознакомиться с делом лишь на поздней стадии судебного разбирательства, и у его адвокатов было недостаточно времени для того, чтобы ознакомиться с делом надлежащим образом. Все это привело к нарушению прав заявителя на защиту, гарантируемых пунктом 1 Статьи 6 в совокупности с подпунктами «b» и «с» пункта 3 Статьи 6 Конвенции»² о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4.11.1950 г., далее – Европейская Конвенция). В связи с делом «Маттик против Германии» Суд пояснил, что достаточным сроком для ознакомления с материалами дела является один месяц, причем нарушенное ввиду предоставления недостаточного для ознакомления срока право может быть восстановлено судом путем разрешения защитнику дополнительно ознакомиться с уголовным делом между слушаниями³.

Анализ указанных положений свидетельствует, что и в части обеспечения права адвоката-защитника на ознакомление с материалами уголовного дела законодательство РФ отстает от международных стандартов: если определенный УПК РФ момент ознакомления в общем и целом соответствует тому, что указано в нормах актов международных организаций (частично – на досудебных стадиях и полностью – не позднее окончания расследования), то нормы, специально закрепляющие наличие причинно-следственной связи

между ненадлежащим, не соответствующим закону содержанием арестованного и недопустимостью полученных в период содержания арестованного под стражей обвинительных доказательств, в законодательстве РФ не содержится. При этом случаи, когда условия содержания находящихся под стражей⁴ людей становятся средством давления на них с целью получения признательных показаний, нередки. Поэтому имплементация такой нормы в национальное законодательство, несомненно, послужила бы целям защиты прав и законных интересов задержанных и заключенных под стражу граждан, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, заставив органы, осуществляющие предварительное расследование, под страхом исключения доказательств как недопустимых заботиться о надлежащем содержании арестованных.

Необходимо упомянуть и о такой проблеме, как производство сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), «разъяснительных бесед» с подзащитным в отсутствие его защитника. На эту проблему указывают практикующие в сфере уголовного процесса адвокаты⁵, обращал внимание суд, признавший подобную практику недопустимой⁶. Формально проведение подобных «бесед» соответствует п. 1 ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об ОРД» и п. 3, 4 ч. 1 ст. 11 Закона РФ «О милиции» от 18.04.1991 г. №1026-1, в то время как на международном уровне (пп. 1 п. 21 Свода принципов защиты) существует прямой запрет пользоваться «положением задержанного или находящегося в заключении лица с целью принуждения его к признанию, какому-либо иному изобличению самого себя или даче показаний против любого другого лица». При этом общеправовой принцип уважения чести и достоинства личности конкретизируется специальной нормой, посвященной допросу и запрещающей использовать во время него «насилие, угрозы или такие методы дознания, которые нарушают его (задержанного, арестованного. – А.Л.) способность принимать решения или выносить суждения» (пп. 2 п. 21 Свода).

Высказался по этому поводу и Европейский Суд. В постановлении №48539/99 от 5.11.2002 г. по делу «Аллан против Соединенного Королевства» (фабула дела: «признательные» показания Аллана были получены и записаны скрытым устройством на аудиопленку в камере, когда арестованного разговорил подсаженный к нему агент по-

лиции Х.) Суд отметил: «Право человека хранить молчание, в принципе, служит для защиты свободы выбора подозреваемого — давать показания или хранить молчание во время допроса в полиции. Следовательно, это право действительно подорвано, если власти государства используют уловки для получения признания или подобных инкриминирующих заявлений. В настоящем деле признания, якобы сделанные заявителем, не были спонтанными и самопроизвольными, а были получены при настойчивых расспросах Х., который при подстрекательстве полиции проводил их при обстоятельствах, которые могли рассматриваться как функционально равнозначные допросу, проводившемуся без соблюдения процессуальных гарантий, присущих формальному полицейскому допросу. Несмотря на то, что не было установлено существования между заявителем и Х. особых отношений, не было приведено доказательств оказания прямого насилия в отношении заявителя, последний подвергнулся психологическому давлению, которое нарушает добровольную природу признания. В данных обстоятельствах информация, добытая благодаря использованию Х., может рассматриваться как полученная вопреки воле обвиняемого, а принятие ее во внимание в ходе разбирательства дела нарушило право заявителя хранить молчание и привилегию против самообвинения»⁷. Недопустимость такого доказательства, как признание своей вины, данное в отсутствие адвоката (даже если недопуск адвоката предусмотрен национальным законодательством), установлена Судом в решении «Гечмен против Турции» (№72000/01, постановление от 17.10.2006 г. вынесено II Секцией).

Очевидно, что нормы международного права, в отличие от норм законодательства РФ, в достаточной степени защищают право человека давать показания⁸ лишь в установленном уголовно-процессуальным законом порядке, при наличии надлежащих гарантий, защищающих его от принуждения в какой бы то ни было форме, в том числе и психологического. Важнейшей из указанных гарантий является обязательное присутствие защитника при следственных действиях, производимых с участием его подзащитного. Обеспеченное угрозой признания обвинительных доказательств недопустимыми, это право адвоката-защитника служит интересам справедливого и состязательного правосудия.

В соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 46, п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, подозреваемый, обвиняемый имеют право на свидания с защитником наедине в условиях, обеспечивающих конфиденциальность таких встреч. Согласно ч. 1 ст. 18 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 г. №103-ФЗ (далее — Закон о содержании под стражей), подозреваемый, обвиняемый имеют право на свидание с защитником с момента фактического их задержания, наедине, конфиденциально и без ограничения их числа и продолжительности (исключение из данного правила составляет свидание защитника с подозреваемым до его первого допроса — ч. 4 ст. 92 УПК). Часть 2 ст. 18 указанного закона устанавливает: «Свидания подозреваемого или обвиняемого с его защитником могут иметь место в условиях, позволяющих сотруднику места содержания под стражей видеть их, но не слышать». Данные нормы, являющиеся важным условием эффективной профессиональной деятельности адвоката-защитника и гарантией права на защиту, носят императивный характер, конкретны.

Однако некоторыми авторами до сих пор ставится под сомнение важность обеспечения конфиденциальности встреч защитника с подзащитным. Так, Ю.П. Гармаев и В.С. Раднаев считают законными, не противоречащими Конституции РФ и международным актам действия по прослушиванию и аудиозаписи встреч адвоката-защитника и его доверителя в следственном изоляторе⁹.

Обоснованно ли это утверждение?

Пункт 22 Положений о роли адвокатов устанавливает: «Правительства должны признавать и соблюдать конфиденциальность коммуникаций и консультаций между адвокатом и клиентом в рамках их отношений, связанных с выполнением адвокатом своих профессиональных обязанностей». Пункт 22 Принципов, касающихся роли юристов, в свою очередь, подчеркивает «конфиденциальный характер любых сношений между юристами и их клиентами».

Свод принципов защиты в ч. 3 п. 18 предусматривает: «Право задержанного или находящегося в заключении лица на его посещение адвокатом, на консультации и на связь с ним, без промедления или цензуры и в условиях полной конфиденциальности, не может быть временно отменено или ограничено, кроме исключительных обстоятельств, которые определяются законом или установленными

в соответствии с законом правилами, когда, по мнению судебного или иного органа, это необходимо для поддержания безопасности и порядка». Нельзя признать обоснованными ссылки Ю.П. Гармаева и В.С. Раднаева на то, что расследование особо тяжкого преступления есть исключительное обстоятельство, направленное «на поддержание безопасности и правопорядка в обществе»¹⁰. Во-первых, Свод обеспечивает защиту прав лиц, подозреваемых в совершении таких правонарушений и преступлений, при которых ограничение личной свободы является разумным. В большинстве своем это и есть особо тяжкие преступления. Поэтому по смыслу Свода принцип защиты предполагаемое совершение даже особо тяжкого преступления не может являться исключительным обстоятельством. Во-вторых, под «поддержанием безопасности и порядка» понимается поддержание безопасности и порядка в местах содержания арестованных и задержанных. Это неоднократно подчеркивается самим Сводом принципов защиты в п. 25, 28, ч. 2 п. 29, ч. 2 п. 36. Так, ч. 2 п. 29 Свода гласит: «Задержанное или находящееся в заключении лицо имеет право свободно и в условиях полной конфиденциальности общаться с лицами, которые посещают места задержания или заключения в соответствии с пунктом 1 при соблюдении разумных условий, необходимых для обеспечения безопасности и порядка в таких местах». Таким образом, утверждение Ю.П. Гармаева и В.С. Раднаева о том, что нормы Свода принципов защиты не запрещают производить прослушивание и аудиозапись встреч адвоката с его подзащитным, не имеет под собой никаких оснований.

Незаконность прослушивания свиданий защитника с подзащитным подтверждается и содержанием п. 93 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными (приняты на I Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30.08.1955 г.). Данный пункт устанавливает: «В целях своей защиты подследственные заключенные должны иметь право обращаться там, где это возможно, за бесплатной юридической консультацией, принимать в заключении юридического советника, взявшего на себя их защиту, подготавливать и передавать ему конфиденциальные инструкции... Свидания заключенного с его юридическим советником должны происходить на глазах, но за пределами слуха сотрудников полицейских или тюремных органов».

Сказанное подтверждает и практика Европейского Суда: «Если адвокат не имеет возможности связаться со своим клиентом и получить от него конфиденциальные инструкции, не подвергаясь надзору, то его помощь в значительной степени утрачивает свою полезность, в то время как Конвенция призвана гарантировать право, которое носит практический и действенный характер»¹¹. Недопустимость прослушивания свиданий адвоката и его клиента была подтверждена Судом и в делах «Кемпбелл и Фел против Соединенного Королевства» от 28.06.1984 г., «Оджалан против Турции» от 12.03.2003 г.

Изложенное свидетельствует, что законодательство РФ, касающееся конфиденциальности встреч защитника с подзащитным, соответствует тем высоким требованиям, которые установлены на международном уровне. Имеющиеся на практике нарушения обусловлены отсутствием единообразного толкования термина «конфиденциальный». Такое толкование должно быть дано или самим законодателем (в качестве примечания к ст. 18 Закона о содержании под стражей), или Конституционным Судом РФ, который может установить обязательные для правоприменителей признаки и условия конфиденциальности. Нарушение требования конфиденциальности следует рассматривать как препятствование законной деятельности адвокатов и иных лиц по защите прав и законных интересов граждан. Можно согласиться и с высказанным рядом авторов¹² мнением о необходимости установления уголовной и административной ответственности за вмешательство в эту деятельность. Уместно подчеркнуть, что подобные нормы уже приняты в Украине (ст. 397 Уголовного кодекса Украины) и Казахстане (ст. 365 Уголовного кодекса Республики Казахстан).

Завершая анализ рассмотренных положений национального законодательства, отметим, что имплементация в него тех требований, которые предъявляются международным правом к отношениям, складывающимся в процессе осуществления юристами (адвокатами) профессиональной деятельности по защите прав граждан, позволит беспрепятственно, а следовательно более эффективно, оказывать правовую помощь населению, значительно снизит количество незаконных вмешательств в деятельность адвокатов-защитников.

Примечание

¹ Справедливости ради стоит отметить, что, согласно п. 15 Свода принципов защиты, «несмотря на исключения, содержащиеся в пункте 4 принципа 16 и пункта 3 принципа 18, задержанному или находящемуся в заключении лицу может быть отказано в связи с внешним миром, и в частности с его семьей или адвокатом, в течение периода, не превышающего нескольких дней». Законность этого ограничения подтверждена Европейской комиссией по правам человека по делам "Крехер и Меллер против Швейцарии", "Шертенляйб против Швейцарии". См.: Брусницын, Л.В. Ограничение права свидания защитника с подзащитным в национальном и международном праве / Л.В. Брусницын // Государство и право. — 2002. — №11. — С. 107.

² Бюллетень Европейского Суда по правам человека. — 2003. — №8. — С. 25. По делу «Эдвардс и Льюис против Соединенного Королевства» (№39647/98 и 40461/98, постановление от 22.07.2003 г. вынесено IV Секцией) Европейский Суд указал: «Статья 6 Конвенции требует — в дополнение к уважению принципа состязательности судопроизводства и принципа равенства процессуальных возможностей сторон — чтобы государственное обвинение предъявляло бы защите для ознакомления все значимые доказательства. Это право стороны защиты не абсолютно, и из него есть исключения, однако допустимы только такие меры, ограничивающие в этом смысле права защиты, каковые являются строго необходимыми... важно и то, что непредъявленные для ознакомления защитой материалы дела не фигурировали на самом процессе в качестве доказательств обвинения и не предъявлялись присяжным» (Бюллетень Европейского Суда по правам человека. — 2003. — №12. — С. 18. См. также: «Джаспер против Соединенного Королевства» от 16.02.2000 г. и «Даусетт против Соединенного Королевства» от 24.06.2003 г.

³ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. — 2005. — №8. — С. 27. Следует учитывать, что последнее относится лишь к случаям, когда ознакомление защитника с делом после окончания следствия происходило поэтапно, защитнику был предоставлен достаточный для ознакомления срок и лишь некоторые материалы уголовного дела были предоставлены поздно, незадолго (за 5 суток) до слушания. Причем материалы, ознакомление с которыми было затруднено ввиду недостатка времени, затем подробно исследовались судом, а время между слушаниями, которое считается Судом «подготовительным», составляло в общей сложности около 20 дней.

⁴ Равно как и задержанных в порядке ст. 91, 92 УПК РФ.

⁵ Воронов, А.А. Можно ли противостоять «проведению беседы»? / А.А. Воронов, А.А. Пасмарнов // Адвокатская практика. — 2006. — № 2. — С. 44-47.

⁶ По резонансному делу по факту убийства журналиста Д. Холодова Московским окружным военным судом было установлено, что к обвиняемому по данному делу Барковскому с 5 мая 1998 г. по 9 июня того же года **42** раза прихо-

дили оперативные работники, проводившие с обвиняемым опросы и допросы. В частном определении суд указал, что производство оперативно-розыскных мероприятий с участием обвиняемого не соответствует нормам и смыслу ФЗ «Об ОРД» от 12.08.1995 г. №144-ФЗ, поскольку искомые сведения должны добываться следственным путем. Кассационная коллегия Верховного Суда РФ, отменяя в 2000 г. приговор в отношении М. и А., постановила, что подобные беседы – это незаконные допросы, поэтому добытые в их ходе доказательства должны быть признаны недопустимыми. См.: Горбунов, О.А. Противодействие законной деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Горбунов. – Воронеж, 2006. – С. 52-53.

⁷ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2003. – №4. – С. 32. Не говорим при этом о фактах насилия, бесчеловечного обращения на допросах. Они исследуются Судом относительно нарушения ст. 3 Европейской Конвенции. См.: «Карагез против Турции» (№78027/01), «Дюшюн и Яшан против Турции» (№4080/02), «Гафген против Германии» (№22978/05), жалобы коммуницированы государствам-ответчикам.

⁸ И более широко: принимать участие в следственных действиях, проводимых с его согласия, по его или его защитника ходатайству.

⁹ Гармаев, Ю.П. Конфиденциальность свидания адвоката с клиентом: каковы ее пределы? / Ю.П. Гармаев, В.С. Раднаев // СПС «Консультант Плюс».

¹⁰ Там же.

¹¹ Цит. по: Буробин, В.Н. Правовой режим адвокатской тайны / В.Н. Буробин, В.Ю. Плетнев // СПС «Консультант Плюс».

¹² Трунов, И.Л. Безопасность, воспрепятствование, давление и вмешательство в деятельность адвоката // Адвокатская практика. – 2006. – №1. – С. 21; Горбунов, О.А. Указ. соч. – С. 138-139.